

Трансгрессия религии и её влияние на политическую жизнь дальневосточного общества 1990-х гг.

Оксана Петровна Федирко,

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: fedirko@ihaefe.ru

Статья посвящена изучению трансгрессии религии в политику и влияния этого на жизнь общества в периферийных регионах на примере Дальнего Востока России. Автором выделены основные этапы рассматриваемого процесса. Отмечается, что первый, охватывающий период с 1990 по 1994 г., характеризовался нарастанием трансгрессивных явлений со стороны религиозных объединений, что объясняется самоустранённостью власти от проблем, связанных с их деятельностью, отсутствием нормативно-правовой базы для новых государственно-конфессиональных отношений в России и специальных органов, занимавшихся реализацией политики в этой сфере на местах, а также излишним сближением государства с Русской православной церковью Московского патриархата (РПЦ МП). В рамках второго этапа, с 1994 по 1998 г., на отечественной политической арене изменилась расстановка сил. Радикально-либеральное влияние пошло на спад. Религиозная сфера требовала выработки новой государственной политики. В это время наметилась тенденция к ограничению Кремлём трансгрессии религии, что нашло своё подтверждение в созданной нормативно-правовой базе вероисповедной политики. Автором выделяется несколько направлений трансгрессии религии в политической жизни дальневосточного общества: участие представителей религиозных объединений в избирательных кампаниях в качестве как избирателей, так и кандидатов в краевые, областные и местные Советы, привлечение объединений верующих к нормотворческой деятельности постперестроечной России. Отмечается активное включение в политическую жизнь страны РПЦ МП, в то время как протестанты и представители иных конфессий, распространённых на Дальнем Востоке, были задействованы в ней незначительно.

Ключевые слова: религия, трансгрессия, государственно-конфессиональные отношения, периферийная территория, Дальний Восток, общество, политика.

The Transgression of Religion and Its Influence on the Political Life of the Far Eastern Society in the 1990s.

Oksana Fedirko, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: fedirko@ihaefe.ru.

The paper is devoted to the study of the transgression of religion into politics and the impact of these processes on the life of society in peripheral regions taking the Russian Far East as an example. The author identifies the main stages of the transgression of religion. It is noted that the first stage, covering the period from 1990 to 1994, was characterized by an increase of transgressive phenomena from religious associations. This happened due to the self-elimination of the authorities from the problems associated with the activities of religious associations, the lack of a legal framework for new state-confessional relations in Russia, the absence of special bodies involved in the implementation of the state-confessional policy and the excessive rapprochement of the state with the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate. During the second phase, from 1994 to 1998, there was a shift in the balance of power in the national political arena. The time of dominance of radical-liberal forces was over. The religious sphere required the formulation of a new state policy. The Kremlin tended to restrict the transgression of religion, which was reflected in the normative legal framework of religious policy. The author distinguishes several directions of the transgression of religion in the political life of the Far Eastern society: the participation of representatives of religious associations in election campaigns as voters and candidates for regional, provincial and local councils, the involvement of religious associations in the rule-making activities of post-perestroika Russia. It is stated that the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate actively participated in the political life of the country while Protestants and representatives of other religions, which were common in the Far East, were not much involved.

Keywords: religion, transgression, state-confessional relations, peripheral territory, Far East, society, politics.

Трансгрессия — используемый в современной философии термин, который означает «выход за пределы», своего рода опыт предела, фиксирующий ситуацию перехода границы, которая описывается в культуре как непреходимая, а также опыт, раскрывающий состояние этого перехода. Понятие трансгрессии рассмотрено в работах Ж. Батая и многочисленных комментариях к ним М. Фуко [25], М. Бланшо [3] и др.

По мнению О.В. Ивановской, «в трансгрессии мы „выпрыгиваем“ за собственные пределы. <...> И делаем это для того, чтобы изменить сложившиеся социальные акценты и иерархию» [12, с. 264]. Возникает вопрос: каким образом может быть представлено такое явление в области взаимоотношения человека и веры? Различают трансгрессию религии внутреннюю, т.е. «переступание религиозных запретов, призванных отделить человека от его погружённости в веру, радикальное преодоление запретов религии, приводящее

к персонализации, индивидуализму, депрессии, жестокости, переживанию пустоты, безразличию и нарциссизму» [23, с. 155], и внешнюю — взаимодействие религиозных объединений с обществом, попытки оказывать давление на него в условиях секулярного государства. Предметом нашего исследования является влияние трансгрессии второго типа на жизнь общества.

В соответствии с современным российским законодательством религиозному объединению разрешено осуществлять как культовую, так и внекультовую деятельность. Если в первом случае исследователи говорят об «отправлении религиозного культа, совершении обрядов, ритуалов, церемоний, богослужений, мистерий, жертвоприношений и др., то к внекультовой религиозной деятельности относятся хозяйственно-экономическая, издательская, просветительско-образовательная, воспитательная, миссионерская, милосердно-благотворительная, управленческая и т.п.» [29].

В результате анализа внекультовой деятельности религиозных объединений на Дальнем Востоке мы выделяем несколько сфер общественной жизни, каждая из которых подверглась трансформации в 1990-е гг. в силу воздействия на неё данных объединений: политическую, социокультурную, образовательную и экономическую. Мы оставляем за пределами нашего исследования социокультурные, образовательные и экономические последствия трансгрессии религии на Дальнем Востоке, планируя охарактеризовать их в отдельных работах.

«Процесс политизации присущ всем мировым религиозным системам в целом... это процесс постоянный, имеющий место до тех пор, пока в обществе сосуществуют религия и политика» [21, с. 226], — отмечает С.А. Семедов, и его утверждение видится нам вполне обоснованным. Для нас представляется важным рассмотреть реализацию трансгрессии религии в периферийном регионе, коим является Дальний Восток, в связи с тем, что здесь сложился уникальный конфессиональный ландшафт, где большинство верующих были протестантами. Кроме того, удалённость региона от федерального центра позволяла допускать «вольность» в реализации нормативно-правовых актов, формируя абсолютно уникальное местное законодательство, регламентирующее государственно-конфессиональные отношения.

Цель статьи — анализ проявлений трансгрессии религии в политическую сферу общественной жизни на Дальнем Востоке в период действия закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» — 1990-е гг.

Отдельные аспекты деятельности религиозных объединений в процессе трансгрессии получили освещение в работах М.И. Одинцова [15], М.И. Даниловой [6], И.И. Масловой [14], О.К. Шиманской [27], Т.А. Чумаченко [26], А.А. Королёва, О.В. Мельниченко [13]. Дальневосточная тематика представлена публикациями С.М. Дударенок [7], А.И. Пospelовой [17], Н.В. Потаповой [19], С.В. Васильевой [4], Н.А. Трофимчука, М.И. Свищёва [24] и др.

Основными методами, использованными при написании статьи, стали компаративный, системный и структурно-функциональный. Материалы о деятельности религиозных объединений в других регионах позволили на основе сопоставления охарактеризовать формы трансгрессии религии, зафиксированные на Дальнем Востоке.

На протяжении своей истории Советское государство стремилось к абсолютной атеизации всех сфер жизни общества. Религиозным объединениям со времени принятия в 1918 г. декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» были запрещены все виды внекультовой деятельности, кроме просветительско-образовательной. А затем в соответствии с п. 11 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 08.04.1929 г. (с изменениями, внесёнными Указом Президиума ВС РСФСР от 23.06.1975 г.) они были лишены и этого.

Конституция 1977 г., как и ранее принятое в СССР вероисповедное законодательство, признавала право на *атеистическую*, но не на *религиозную* (выделено нами. — *О.Ф.*) пропаганду. Верующим разрешалось только исповедовать религию и отправлять религиозные обряды.

В середине 1980-х гг. советское руководство выступило с инициативой «совершенствования социализма», в рамках которой фактически была легализована церковная тематика: все граждане получали возможность свободно изъяслять свои религиозные чувства. Численность религиозных объединений начала расти, их деятельность не ограничивал и тот факт, что в регионах местные власти продолжали придерживаться атеистических установок в своей работе.

К началу 1990-х гг. государственно-конфессиональные отношения изменились в сторону либерализации и толерантности. Вопрос веры вышел за пределы религиозной дефиниции и стал ключевым во многих аспектах реформирования общественной и политической жизни нового российского социума. Изменилось и российское законодательство.

1 октября 1990 г. был принят закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях». Зарегистрированные религиозные объединения получили статус юридического лица (ст. 18), кроме того, им разрешили участвовать в общественной жизни, производить и распространять религиозную литературу и предметы культа (ст. 23), заниматься благотворительной и культурно-просветительской деятельностью (ст. 22), учреждать СМИ (ст. 24), поддерживать международные контакты (ст. 25), обращаться в СМИ и др. То есть они получили право на трансляцию своего вероучения максимально возможными способами, воспользовавшись влиянием трансгрессивных процессов на религиозную жизнь общества.

По нашему мнению, для характеристики взаимодействия государства и религии в 1990-е гг. можно использовать модель, которую М.Х. Абдуллаев назвал «сепарационное взаимоотношение». В этом случае «влиянием либеральных стандартов свободы мысли, совести и вероисповедания религия чётко отделена от дел государственных, её роль как феномен общественно-политической жизни сведена к минимуму; вера признаётся сугубо личным, интимным делом, а религиозные чувства верующих, выделенные в качестве объекта частной жизни и самодовлеющей ценности, охраняются государством» [1, с. 32].

В процессе трансгрессии религии в политическую сферу мы можем выделить два этапа. В основе данной периодизации лежат не только особенности

взаимодействия религиозных объединений и государства, но и степень влияния политики на действующие в России конфессии и их реакция на это.

Первый этап (1990—1994) начинается с принятия закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1990) и характеризуется нарастанием трансгрессионных явлений в политической жизни страны под влиянием религиозных объединений. Этому помогло само государство. Реализация указанного закона уже на начальном этапе показала его несовершенство.

Во-первых, провозглашение «нейтральности» государства в отношении религии обернулось самоустранённостью власти от многих проблем, связанных с деятельностью религиозных объединений, а также от процессов, влияющих на формирование мировоззренческих установок граждан. По сути, религиозные организации получили полную свободу деятельности.

Во-вторых, нормативно-правовая база новых государственно-конфессиональных отношений в России не регламентировала механизм формирования местных религиозных объединений, их статус, права и обязанности. В связи с этим в каждом субъекте данные вопросы решались исходя из региональных особенностей, подчас власти шли на поводу у религиозных структур, наделяя их теми полномочиями, которые они запросили.

В-третьих, отсутствие специальных органов, ответственных за реализацию государственно-конфессиональной политики на местах, стимулировало представителей религиозных групп заниматься политической деятельностью. После ликвидации Совета по делам религии и его уполномоченных взаимодействие религиозных объединений и власти происходило через правоохранительные органы, которые занимались этим исключительно в контексте своих функциональных обязанностей. В результате в 1993 г. при Верховном Совете РСФСР был создан Комитет по связям с общественными, религиозными и благотворительными организациями.

Кроме того, наблюдалось излишнее сближение государства с Русской православной церковью Московского патриархата (РПЦ МП), начавшееся с середины 1980-х гг. Свообразным сигналом к обновлению курса в отношении РПЦ МП стала встреча М.С. Горбачёва с Патриархом Московским и всея Руси Пименом (Известковым) в апреле 1988 г., накануне празднования 1000-летия крещения Руси. В рамках первого этапа данное сближение проявилось в первоочередном удовлетворении заявлений именно верующих РПЦ МП. Это касалось как вопросов регистрации религиозных объединений, так и реституции церковного имущества. В ответ на усиление роли РПЦ МП в политической жизни страны и другие конфессии стали стремиться к тому же.

В.С. Полосин следующим образом характеризовал ситуацию в начале 1993 г.: «Мне приходится напрямую заниматься вопросами государственно-церковных отношений... У нас нет целостной концепции этих отношений. Что мы видим? Заигрывание с религией различных политических деятелей, в том числе руководителей государства, с целью заполучения голосов верующих на выборах и референдумах... С другой стороны, многие верующие политизируются настолько, что уже диктуют государству свои

теократические убеждения» [5, с. 75]. 1993 г. явился переходным в конфессиональной политике федерального центра: власть отходит от позиции самоустранённости в религиозном вопросе и начинает формировать механизм регулирования религиозной практики.

В рамках второго этапа (1994—1998) в России изменилась расстановка сил. Радикально-либеральное влияние пошло на спад. Религиозная сфера требовала формирования новой государственной политики. Началась разработка нового законодательства, а 26 сентября 1997 г. был принят Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

На выборах в Государственную Думу в 1995 г. победу одержала Коммунистическая партия России, заявившая о поддержке традиционных религий страны и отрицательном отношении к экспансии нетрадиционных [16, с. 3].

Выборная кампания 1995—1996 гг. заставляет политиков обратить внимание на сферу религии. Партии заявляют о поддержке православия и осуждают секты. Активизируется и исполнительная власть. В 1995 г. выходит правительственное постановление о передаче имущества религиозным организациям, и многие объекты были им переданы [18]. В ходе президентских выборов 1996 г. руководство страны использует авторитет религии. За день до голосования по телевидению показывают прогуливающих по Кремлю президента и патриарха Алексия II. Последний присутствовал и при вступлении Б.Н. Ельцина в должность. Политический вес РПЦ МП рос, как и внимание к ней властей. В.Ф. Шумейко, доверенное лицо президента на выборах, говорил, что базовые ценности обновлённой модели развития России заложены в православной вере [28].

В рамках этого периода наметилась тенденция к ограничению трансгрессии религии государством, что нашло своё подтверждение в созданной тогда нормативно-правовой базе вероисповедной политики.

Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 г., по сравнению с аналогичным законом 1990 г., отражал уже другую концепцию взаимоотношений между государством, религиозными объединениями и обществом, подчёркивал потребность в разрешении иных проблем в государственно-конфессиональной политике и свидетельствовал об изменившихся настроениях среди населения России.

В новом документе говорилось, что религиозное объединение не участвует в выборах в органы государственной власти и в органы местного самоуправления, в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь. Российские законы «О референдуме РФ», «О выборах Президента РФ» и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ» запрещали религиозным организациям проводить агитацию и распространять предвыборные материалы.

Можно выделить несколько направлений трансгрессии религии в политическую жизнь дальневосточного общества:

1. Участие в избирательных кампаниях в качестве как избирателей, так и кандидатов в краевые, областные и местные Советы. Эта тенденция характерна для всей российской политической системы. По результатам выборов 1989—1990 гг. «86 иерархов и священнослужителей РПЦ, мусульманского,

буддистского и других культов» [ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 4. Д. 177. Л. 33—33 об.] были избраны народными депутатами. На Дальнем Востоке это явление носило единичный характер: Геннадий Попазов, священник РПЦ МП из Комсомольска-на-Амуре, стал народным депутатом городского Совета в 1990 г. [ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 4. Д. 177. Л. 12]. В отличие от общероссийской практики, протестанты Дальнего Востока не выдвигали своих членов в качестве кандидатов для участия в выборах органов власти.

Председатель Совета по делам религий при СМ РСФСР Л.Ф. Колесников отмечал: «Избрание священнослужителей церкви в органы власти — одно из свидетельств революционных преобразований социально-политических отношений в советском обществе, утверждения и расширения демократии, активного участия всех социальных слоёв и групп населения нашей страны в перестроечных процессах. Это также выражение избирателями доверия политической платформе церковных деятелей, которая выдвигалась ими в период предвыборной кампании» [20, с. 325].

После октябрьских событий 1993 г. РПЦ МП запретила своим священнослужителям выдвигаться в депутаты. Вопреки этому, священник Г.П. Якунин баллотировался по спискам «Демократической России», был избран в состав I Государственной Думы и работал в Комитете по общественным и религиозным организациям, который возглавлял представитель КПРФ В.И. Зоркальцев. В результате декабрьских выборов 1995 г. в составе II Государственной Думы не оказалось представителей ни одного религиозного культа.

2. Участие представителей религиозных объединений в нормотворчестве постперестроечной России. Ярким примером такой деятельности стало обсуждение проекта закона РСФСР «О свободе совести и религиозных объединениях». Впервые в истории российских государственно-конфессиональных отношений у представителей религиозных организаций спросили мнение о содержании проекта высшего нормативного акта, который должен был регламентировать их взаимодействие с властью. На имя уполномоченных по делам религий пришла масса откликов, среди которых были как разрозненные предложения и замечания, принадлежащие отдельным представителям конфессий, так и документы, содержащие целый комплекс инициатив, принятых на коллективном собрании верующих.

Среди предложений, выдвинутых служителями культа и членами религиозных объединений Приморского края, следует особо отметить обращение представителей РПЦ МП. По их мнению, «закон должен соответствовать своему названию, т.е. в нём речь должна идти не только о религии, церкви, но и атеизме, об обеспечении полного равенства верующих и атеистов. Предлагается отделить атеизм от государства, а атеистическую пропаганду вести только силами и средствами общественных организаций» [ГАХК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 209. Л. 59]. В свою очередь, Адвентисты седьмого дня ставили вопрос о религиозном образовании: «...[следует] разрешить факультативное обучение религии во всех учебных заведениях на добровольной основе для всех конфессий» [ГАХК. Ф. 1578. Оп. 1. Д. 209. Л. 60].

Необходимо отметить, что критика проекта закона не просто фиксировалась, она тщательно изучалась, анализировалась, и самые важные замечания

легли в основу предложений, направленных региональными властями в адрес комитета по подготовке законопроекта. Об этом свидетельствует докладная записка В.А. Никульникова, Уполномоченного по делам религий в Хабаровском крае. Анализируя предложение священника РПЦ МП из Комсомольска-на-Амуре игумена Тихона «законодательно отменить государственный атеизм, ввести абсолютное равенство во всех отношениях (образование, СМИ...», В.А. Никульников оставил комментарий: «Видимо, идёт речь об изменении ст. 52 Конституции, где это неравенство закреплено. Действительно, в проекте это отражено не очень чётко и возникают мысли, как быть со ст. Конституции? Считаю необходимым подчеркнуть в законе о равенстве представителей атеизма и верующих» [ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 177. Л. 39]. Комментируя второе предложение — «в ст. 6 исключить предлагаемый вариант, атеизм и религию преподавать в учебных заведениях факультативно» [ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 177. Л. 41], он писал: «„Вариант“ усиливает атеистический характер образования, поэтому на него такая реакция. Можно вариант оставить, можно исключить. Принципиально одно — преподавание факультативно в школе или ином общеобразовательном учреждении религии осуществить сегодня весьма трудно, т.к. нет тех специально подготовленных, кто это может делать, и неизбежно возникнут конфликты между конфессиями за право преподавания. Лучше оставить как есть в проекте» [ГАХК. Ф. 1359. Оп. 4. Д. 177. Л. 41].

Принятие ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» в 1997 г. также вызвало волну обсуждений. Особенно встревожили отдельные положения закона пасторов и верующих протестантских церквей. В связи с этим в Приморье была организована серия межконфессиональных встреч пасторов, на которых обсуждался и сам закон, и пути решения возникших в связи с его принятием ограничений. Прежде всего это касалось необходимости при регистрации в Минюсте документально подтвердить существование религиозной организации не менее 15 лет. Первая такая встреча состоялась в конце октября 1997 г. Она и все последующие проходили во Владивостокской методистской церкви, а позже — в помещении Евангельской церкви Владивостока [8, с. 330].

К середине 1990-х гг. возникла необходимость разработки и принятия местных законов и подзаконных актов, регламентирующих деятельность религиозных объединений, как традиционных, так и новых, на уровне субъектов Дальнего Востока.

На наш взгляд, наиболее продуманной в этом вопросе была политика, ограничивающая трансгрессию религии за пределы религиозных сообществ в Хабаровском крае. Он в большей степени, чем другие дальневосточные регионы, столкнулся с деятельностью иностранных миссий. Это был вызов всей структуре государственно-конфессиональных отношений. Однако глава администрации, а позже губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев в 1990-е — начале 2000-х гг. вёл, по нашему мнению, самую взвешенную политику в отношении религиозных объединений. Именно в период его руководства был разработан Закон № 14 «О религиозной деятельности на территории Хабаровского края» [11] — первый такой документ на Дальнем Востоке. Через год

подобный закон был принят в Приморском крае [9]. Данные акты регулировали условия создания, функционирования и ликвидации религиозных объединений, а также деятельность иностранных миссионеров. В разработке хабаровского документа активное участие принимали священнослужители РПЦ МП. Согласно этому законодательному акту, местные власти имели полномочия разрешать или отказывать иностранным миссионерам в праве работать в крае через процедуру аккредитации, включавшей экспертную оценку религиозной организации. Таким образом, местные законодатели пошли дальше, чем федеральные [10].

И именно при администрации Хабаровского края в 1997 г. начала работать Комиссия по связям с религиозными объединениями [20, с. 330], через год был создан Экспертный совет администрации Хабаровского края по производству религиозно-экспертных [18, с. 332]. В Приморье в феврале 1995 г. был организован Экспертно-консультативный совет по свободе совести и вероисповеданиям [ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 369. Л. 2], в состав которого вошли представители традиционных религиозных объединений края.

Таким образом, анализируя проявления трансгрессии религии в политическую сферу общественной жизни дальневосточного общества в период действия закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1990-е гг.), мы можем выделить два этапа, которые различаются по характеру государственно-конфессиональных отношений и степени трансгрессии религии. На первом (1990—1993) в условиях отстранения государства от контроля за деятельностью религиозных объединений последние стали активно заниматься внекультурной деятельностью, принимая участие в политической жизни региона, причём и как избиратели, и как кандидаты в органы власти. Однако на втором этапе (1994—1997) начинается процесс ограничения трансгрессии религии в общественную и политическую жизнь страны. И вновь инициатором стало государство, которое «спохватилось» после серии крупных террористических акций, организованных религиозными объединениями («Белое братство», 1993 г.; «Аум Синрикё», 1995 г. и др.), и начало планомерную работу по контролю за деятельностью религиозных организаций.

Характеризуя направления трансгрессии религии в политическую жизнь дальневосточного общества, необходимо отметить активное участие в этих процессах РПЦ МП. Стремление к «симфонии» в отношениях с органами власти, поддержка их во всех начинаниях, в том числе и политических, для православных структур стали важнее, чем отношения с собственной пасторальной. «Русская православная церковь практически с первых же дней свободы билась за особый статус отношений с государством» [22, с. 11], что давало и даёт ей материальные блага и позволяет заявлять о своей исключительной роли в системе государственно-конфессионального взаимодействия. Протестанты и представители иных конфессий, распространённых на Дальнем Востоке в советский и постсоветский период, в политической жизни участвовали незначительно. С одной стороны, над ними довлел печальный опыт советской системы взаимоотношений с неправославными религиозными объединениями, а с другой — материальная помощь, которая оказывалась им иностранными миссионерами, по объёму превышала то, что они

могли бы получить от российского государства. Таким образом, протестанты, иудеи, мусульмане и представители других конфессий упустили возможность включиться в активную политическую жизнь региона и страны в первые постперестроечные годы, а позже, в рамках действия федерального и местного законодательства второй половины 1990-х и начала 2000-х гг., им это было позволено лишь в усечённом виде.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Абдуллаев М.Х. Политизация религии: теоретическое и терминологическое осмысление проблематики // Россия и мир: научный диалог. 2021. Т. 1. № 1. С. 27—40.
2. Батай Ж. Запрет и трансгрессия. URL: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (дата обращения: 10.09.2021).
3. Бланшо М. Опыт-предел // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост., авт. пер. и коммент. С.Л. Фокин. СПб.: Мифрил, 1994. С. 63—79.
4. Васильева С.В. Восстановление церковной соборности старообрядства в контексте институциональных трансформаций XX—XXI вв. // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 41—44.
5. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М.: РАГС, 1996. 264 с.
6. Данилова М.И., Ембулаева Н.Ю. Религиозный вопрос в России: от перестройки к современности // Реформы конца XX — начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. ст. / отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. С. 314—322.
7. Дударенок С.М. Особенности формирования и тенденции развития религиозного пространства Дальнего Востока в постсоветский период // Диалог со временем. 2015. № 52. С. 323—344.
8. Дударенок С.М., Сердюк М.Б. История протестантских церквей Приморского края (XIX—XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. 596 с.
9. Закон Приморского края от 29 марта 1996 г. № 32-КЗ «О миссионерской деятельности на территории Приморского края» // Ведомости Думы Приморского края. 1996. № 18. С. 2—7.
10. Закон Приморского края от 11.01.2001 № 123-КЗ «О признании утратившим силу Закона Приморского края „О миссионерской деятельности на территории Приморского края“ от 29.03.1996» // Ведомости Думы Приморского края. 2001. № 75. С. 10—11.
11. Закон Хабаровского края от 28.06.1995 № 14 «О религиозной деятельности на территории Хабаровского края» // Сборник законов Хабаровского края. 1995. № 3 (июнь — ноябрь). С. 22—27.
12. Ивановская О.В. Трансценденция против трансгрессии // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 1. С. 256—268.
13. Королёв А.А., Мельниченко О.В. Государственно-церковные отношения в постсоветской России (1991—2000 гг.) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 725—731.
14. Маслова И.И. Государственно-конфессиональная политика в СССР: поворот курса 1985—1988 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (36). С. 43—54.

15. Одинцов М.И. Вероисповедные реформы в России (1985—1997 гг.) // Религия и право. 1999. № 2. С. 9—15.
16. Позиция КПРФ в религиозном вопросе // Правда. 1996. 18 апреля. С. 3.
17. Поспелова А.И., Дударенок С.М., Федирко О.П. От «религиозного ренессанса» к стагнации и «новой» религиозности: локальные трансформации Дальнего Востока // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2021. № 1. С. 139—150.
18. Постановление Правительства РФ от 14.03.1995. № 248 «О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения» // Российская газета. 1995. 23 марта. С. 31—32.
19. Потапова Н.В. «Корейские церкви» на Сахалине в период постсоветской трансформации (1990-е гг.) // Общество: философия, история, культура. 2020. № 11 (79). С. 51—56.
20. Религия и власть на Дальнем Востоке России: сб. док. Гос. арх. Хабаров. края. Хабаровск: Частная коллекция, 2001. 400 с.
21. Семедов С.А. Причины политизации ислама в современном мире // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 3. С. 225—235.
22. Солодовник С. Россия: официальная церковь выбирает власть // Pro et Contra. 2013. № 3-4 (59). С. 6—18.
23. Топчиев М.С. Религиозная трансгрессия и её влияние на современное общество // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61). Ч. III. С. 153—157.
24. Трофимчук Н.А., Свищёв М.П. Экспансия. М.: РАГС, 2000. 218 с.
25. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост., авт. пер. и коммент. С.Л. Фокин. СПб.: Мифрил, 1994. С. 110—132.
26. Чумаченко Т.А. Челябинская епархия во второй половине XX в. // Урал в контексте российской модернизации: сб. науч. ст. / под ред. Н.Н. Алеврас. Челябинск: Каменный пояс, 2005. С. 427—443.
27. Шиманская О.К. Социальное служение христианских объединений как основа межконфессионального и государственно-конфессионального диалога (на примере Нижегородской области) // Религиоведение. 2012. № 2. С. 162—171.
28. Шумейко В. Необходимо самообновление президентской политики // Независимая газета. 1996. 17 января. С. 3.
29. Элбакян Е.С. Специфика религиозного // Вестник Ленинградского университета им А.С. Пушкина. 2020. № 3. С. 139—154.
30. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
31. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).

REFERENCES

1. Abdullaev M.Kh. Politizatsiya religii: teoreticheskoe i terminologicheskoe osmyslenie problematiki [Politicization of Religion: Theoretical and Terminological Understanding of the Problem]. *Rossiya i mir: nauchnyy dialog*, 2021, vol. 1, no. 1, pp. 27—40. (In Russ.)
2. Batay Zh. *Zapret i transgressiya* [Prohibition and Transgression]. Available at: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (accessed 10.09.2021). (In Russ.)
3. Blansho M. Opyt-predel [Experience-Limit]. *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Tanatography of Eros. Georges Bataille and

- French Thought in the Middle of the 20th Century]. Comp., translated, with comment by S.L. Fokin. Saint Petersburg, Mifril Publ., 1994, pp. 63–79. (In Russ.)
4. Vasil'eva S.V. Vosstanovlenie tserkovnoy sobornosti staroobryadstva v kontekste institutsional'nykh transformatsiy XX–XXI vv. [Restoration of the Church Catholicity of the Old Believers in the Context of Institutional Transformations of the 20th – 21st Centuries]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 7, pp. 41–44. (In Russ.)
  5. *Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossii (opyt proshlogo i sovremennoe so-stoyanie)* [State-Church Relations in Russia (Past Experience and Current State)]. Moscow, RAGS Publ., 1996, 264 p. (In Russ.)
  6. Danilova M.I., Embulaeva N.Yu. Religioznyy vopros v Rossii: ot perestroyki k sovremennosti [The Religious Question in Russia: From Perestroika to the Present]. *Reformy kontsa XX – nachala XXI v. na postsovetском prostranstve: regional'nyy aspekt: sb. nauch. st.* [Reforms of the Late 20th – the Early 21st Centuries in the Post-Soviet Space: Regional Aspect. Collection of Scientific Articles]. Executive ed. A.S. Vashchuk. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2020, pp. 314–322. (In Russ.)
  7. Dudarenok S.M. Osobennosti formirovaniya i tendentsii razvitiya religioznogo prostranstva Dal'nego Vostoka v postsovetский period [Features of the Formation and Development Trends of the Religious Space of the Far East in the Post-Soviet Period]. *Dialog so vremenem*, 2015, no. 52, pp. 323–344. (In Russ.)
  8. Dudarenok S.M., Serdyuk M.B. *Istoriya protestantskikh tserkvey Primorskogo kraya (XIX–XX vv.)* [History of Protestant Churches in the Primorye Region (19th – 20th Centuries)]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 2014, 596 p. (In Russ.)
  9. Zakon Primorskogo kraya ot 29 marta 1996 g. № 32-KZ «O missionerskoy deyatel'nosti na territorii Primorskogo kraya» [Law of the Primorye Region of March 29, 1996, No. 32-KZ “On Missionary Activity on the Territory of the Primorye Region”]. *Vedomosti Dumy Primorskogo kraya*, 1996, no. 18, pp. 2–7. (In Russ.)
  10. Zakon Primorskogo kraya ot 11.01.2001 № 123-KZ «O priznanii utrativshim silu Zakona Primorskogo kraya „O missionerskoy deyatel'nosti na territorii Primorskogo kraya“ ot 29.02.1996» [Law of the Primorye Region of January 11, 2001, No. 123-KZ “On the Invalidation of the Decree of the Primorye Region “On Missionary Activity on the Territory of the Primorye Region” of March 29, 1996”]. *Vedomosti Dumy Primorskogo kraya*, 2001, no. 75, pp. 10–11. (In Russ.)
  11. Zakon Khabarovskogo kraya ot 28.06.1995 № 14 «O religioznoy deyatel'nosti na territorii Khabarovskogo kraya» [Law of the Khabarovsk Region of June 28, 1995 “On Religious Activities in the Khabarovsk Region”]. *Sbornik zakonov Khabarovskogo kraya*, 1995, no. 3 (June – November), pp. 22–27. (In Russ.)
  12. Ivanovskaya O.V. Transstsendentsiya protiv transgressii [Transcendence against Transgression]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, 2010, no. 1, pp. 256–268. (In Russ.)
  13. Korolev A.A., Mel'nichenko O.V. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v post-sovetской Rossii (1991–2000 gg.) [State-Church Relations in Post-Soviet Russia (1991–2000)]. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 725–731. (In Russ.)
  14. Maslova I.I. Gosudarstvenno-konfessional'naya politika v SSSR: povorot kursa 1985–1988 gg. [State-Confessional Policy in the USSR: A Turn of Course in 1985–1988]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, 2015, no. 4 (36), pp. 43–54. (In Russ.)
  15. Odintsov M.I. Veroyispovednye reformy v Rossii (1985–1997 gg.) [Religious Reforms in Russia (1985–1997)]. *Religiya i pravo*, 1999, no. 2, pp. 9–15. (In Russ.)
  16. Pozitsiya KPRF v religioznom voprose [The Position of the Communist Party of the Russian Federation in the Religious Issue]. *Pravda*, 1996, April 18, p. 3. (In Russ.)

17. Pospelova A.I., Dudarenok S.M., Fedirko O.P. Ot «religioznogo renessansa» k stagnatsii i «novoy» religioznosti: lokal'nye transformatsii Dal'nego Vostoka [From “Religious Renaissance” to Stagnation and “New” Religiosity: Local Transformations of the Far East]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2021, no. 1, pp. 139–150. (In Russ.)
18. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14.03.1995. № 248 «O poryadke peredachi religioznym ob"edineniyam otnosyashchegosya k federal'noy sobstvennosti imushchestva religioznogo naznacheniya» [Decree of the Government of the Russian Federation of March 14, 1995, No. 248 “On the Procedure for the Transfer of Property Belonging to Federal Property for Religious Purposes to Religious Associations”]. *Rossiyskaya gazeta*, 1995, March 23, pp. 31–32. (In Russ.)
19. Potapova N.V. «Koreyskie tserkvi» na Sakhaline v period postsovetskoy transformatsii (1990-e gg.) [“Korean Churches” on Sakhalin during the Post-Soviet Transformation (1990s)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2020, no. 11 (79), pp. 51–56. (In Russ.)
20. *Religiya i vlast' na Dal'nem Vostoke Rossii*: sb. dok. Gos. arkh. Khabar. kraja [Religion and Power in the Russian Far East. Collection of Documents of the State Archive of the Khabarovsk Region]. Khabarovsk, Chastnaya kolleksiya Publ., 2001, 400 p. (In Russ.)
21. Semedov S.A. Prichiny politizatsii islama v sovremennom mire [The Reasons for the Politicization of Islam in the Modern World]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2009, no. 3, pp. 225–235. (In Russ.)
22. Solodovnik S. Rossiya: ofitsial'naya tserkov' vybiraet vlast' [Russia: The Official Church Chooses Power]. *Pro et Contra*, 2013, no. 3-4 (59), pp. 6–18. (In Russ.)
23. Topchiev M.S. Religioznaya transgressiya i ee vliyanie na sovremennoe obshchestvo [Religious Transgression and Its Impact on Modern Society]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 11 (61), part III, pp. 153–157. (In Russ.)
24. Trofimchuk N.A., Svishchev M.P. *Ekspansiya* [Expansion]. Moscow, RAGS Publ., 2000, 218 p. (In Russ.)
25. Fuko M. O transgressii [On Transgression]. *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' sere diny XX veka* [Tanatography of Eros. Georges Bataille and French Thought in the Middle of the 20th Century]. Comp., translated, with comment by S.L. Fokin. Saint Petersburg, Mifril Publ., 1994, pp. 110–132. (In Russ.)
26. Chumachenko T.A. Chelyabinskaya eparkhiya vo vtoroy polovine XX v. [Chelyabinsk Diocese in the Second Half of the 20th Century]. *Ural v kontekste rossiyskoy modernizatsii*: sb. nauch. st. [Ural in the Context of Russian Modernization. Collection of Scientific Articles]. Ed. by N.N. Alevras. Chelyabinsk, Kamennyi poyas Publ., 2005, pp. 427–443. (In Russ.)
27. Shimanskaya O.K. Sotsial'noe sluzhenie khristianskikh ob"edineniy kak osnova mezhekfessional'nogo i gosudarstvenno-kfessional'nogo dialoga (na primere Nizhnegorodskoy oblasti) [Social Service of Christian Associations as a Basis for Inter-Confessional and State-Confessional Dialogue (A Case Study of the Nizhny Novgorod Region)]. *Religiovedenie*, 2012, no. 2, pp. 162–171. (In Russ.)
28. Shumeyko V. Neobkhdimo samoobnovlenie prezidentskoy politiki [Self-Renewal of Presidential Policy is Necessary]. *Nezavisimaya gazeta*, 1996, January 17, p. 3. (In Russ.)
29. Elbakyan E.S. Spetsifika religioznogo [The Specifics of the Religious]. *Vestnik Leningradskogo universiteta im A.S. Pushkina*, 2020, no. 3, pp. 139–154. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 22.08.2022